

Людмила Шарга

Пылает закат в окне

Человек человеку – яблоко

Не спеши
расставаться с родимым садом в преддверии осени,
где на ветке два наших яблока – две души,
где бросает безжалостно северный ветер оземь их.
И одно другому пытается прошептать:
Не спеши, не падай...
Успенья дождись, пожалуйста.
Коли выпало в эту осень с тобой упасть,
то ни слез не надо, ни жизни, ни глупой жалости.
Не спеши. Сгоревшее лето идет ко дну –
в предстояние осени.
Близятся дни ненастные.
Были яблоки – скажут – и умерли в ночь одну.
Были яблоки – долго – и были счастливы.
Человек человеку – яблоко, свет и боль.
Только чтобы усвоить нехитрое это правило,
то разводит меня судьба, то сводит с тобой
в том саду, где старая яблоня свет оставила.
На него наши яблоки-души еще летят,
на восток – к восходу,
где станет печаль легка.
Человек человеку – свет и, конечно, – сад.
Человек человеку – боль – и, конечно, – яблоко.

*

Пол-августа – на двоих,
забытая жизнь в подарок,
страницы любимых книг,
щемящая грусть гитары.
Далекого лета блик
на утренний дождь нанизан,
и августа черновик дописан,
почти дописан,
и падевый выпит мед,
и столько звезд в поднебесье...
Здесь лето еще поет
свою негромкую песню,
здесь пишется так легко
и так же легко молчится
об осени, что возком
небесный везет возница.
Пылает закат в окне
заброшенного сарая,
и рукописи в огне
рождаются и сгорают,
от боли – как мы – крича.
И пепел летит над миром...
Здесь яблони по ночам
в садах источают миро –
лекарство от всех забот,
от горестей и лишений.
Здесь каждый из нас пройдет
свой путь до преображения.
И каждому будет сад –
зови, если хочешь – раем.
Здесь рукописи горят,
но, к счастью – не все сгорают.

*

Деревья влаги заждались
и замерли, и заскучали,
а лето просится на лист
и много солнца обещает
в саду, где венский круглый стол,
накрытый к утреннему чаю,
послужит временным холстом
для чайных чашек и для чаек,
что, над верандою кружа,
о скорой осени вещают,
и предрекают, ворожа,
разлуку с милыми вещами.
И переезда кутерьма
в пустые хлопоты упрячет
осиротевшие дома
и в спешке брошенные дачи.

А мы...

Мы стали привыкать
к дыханью моря за окошком,
к певучим сходням чердака,
к дорожке лунной,
к странной мошке,
что в свете фонаря кружит
то облаком, то позументом,
и свято верит, что бессмертна.
А нам бы до утра дожить.
В ладонях смуглых летних дней
дымится моря сизый ладан,
и белоснежных простыней
все вожаделеннее прохлада,
и берег пуст и каменист,
и лодку нам волна выносит...
и лето просится на лист,
а остается только осень.

*

От меня и следа не останется,
только легкая тень у моря,
что – как день в межсезонье – тянется
между осенью и зимою
и блуждает июльским вечером
в коридоре лунных затмений.
Рядом тени судьбой отмеченных –
позабывших поэтов тени,
что ходили по этим улицам
и слагали стихи, в которых
море с солнцем легко рифмуется,
ветер ждет в парусах и шторах
и гнездится в белье, развешанном
во дворе моем – на веревке.
Он бывает ручным и бешеным,
мне знакомы его уловки –
он любитель осенних шалостей:
притворится, что мирно дремлет,
и к утру оборвет безжалостно
все остатки листвы с деревьев.
Вот по этой листве – как по морю
уплываю от жизни прочь я,
вспоминая давно знакомые
позабывших поэтов строчки.
В них деревья хрипят простуженно,
словно петли скрипят дверные,
и дожди, хоть зовутся южными –
ледяные, сплошь ледяные.
Пролетит зима-бесприданница,
станет притчей наивудрейшей,
от меня только тень останется –
тенью больше,
иль тенью меньше,
лишь бы синим июльским вечером
над водою прошелестели
строчки странной судьбой отмеченных –
позабывших поэтов тени.

*

Не называешь имени – и ладно.
Я по глазам прочту его, листая
прохладу взгляда,
тихих слов прохладу,
горчащих оттого, что жизнь тает.
Ее полупустую оболочку
раскачивает глупое заклятье:
ни взгляда,
ни слезы,
ни дня без строчки.
Сомнительное, мнимое занятие.
Размениваю лето – пядь за пядью –
на несколько смешных стихотворений,
и лист из недописанной тетради
сжимается полоскою шагрени.
Не называешь имени – и ладно.
где тени безымянны – осень ближе,
прохладны ночи и дожди прохладны,
и месяц – как лимон – до капли выжат.
Но полнится моими именами
наш странный дом,
наш мир странноприимный,
где прошлое сумерничает с нами,
едва лишь затихает город дымный.
Не называешь ангелом – и полно
о прошлом причитать – не растерять бы.
Бутылочную почту носят волны
и раковины – для жемчужной свадьбы.
И эту жизнь до дна придется выпить –
смешать морскую соль с дорожной пылью...
Но там, где все иные тени видят,
ты видишь свет моих незримых крыльев.

